

О современных тенденциях в распространении методов проектного обучения

Владимир Иванович Белый,

заместитель директора Херсонского физико-технического лицея (bvi@ftl.kherson.ua)

Мы временами с умилением комментируем душевные грузинские напевы как произведения типа: «*Что вижу, о том и пою*». Ловлю себя на мысли, что собственный внутренний голос делает то же самое по отношению к делам образовательным, затрагивающим мою судьбу. Он всё время норовит «запеть», используя «нотные» возможности самостоятельной просветительской журналистики. С одной стороны, можно ждать песен радости от таких творческих инициатив учителей и их руководителей, как внедрение *проектных форм обучения*, а с другой, как бы не перейти на песню-кручину.

Последнее — это в связи с прямолинейным пониманием технологий проектного обучения как «*создание*» проектов в ходе учебного процесса. В этой мысли ключевые слова — «проект» и «учебный процесс». Давайте с их помощью проследим за современными реалиями и возможными путями развития проектных технологий обучения *в нашем исполнении*. Наше «исполнение» выделяю по причинам онтологического проникновения в наши души присутствующего нам *поставлоритарного* духа новейшей истории.

Конечно, умные, дальновидные и в меру прагматичные люди давно поняли возможности проектных форм организации своей работы, ибо желают выигрывать в конкурентном мире. Проекты по сути своей есть продукты интеллектуальной деятельности, а потому в *обществе знаний* без них делать нечего. Но жизненная онтология динамического стереотипа никогда не отделяет нас от необходимости быть всё время внутри процессов, большая часть которых не являются творческими, но без них как без

воздуха. Неоценима фраза: «*В современном мире важно уметь управлять не процессами, а проектами и сетями*» (Вера Зоц — главный редактор киевской газеты «Завуч»). Однако это не означает, что процессы надо сменить на проекты. Конечно, сам процесс обучения, как и многое другое, можно назвать проектом. Только это, если уж слишком тонко воспринимать всё и вся и помнить, что наша жизнь может остановиться каждую секунду. Но такие подходы годятся разве что для поэтической окраски обычной действительности. Именно ею живут миллионы с «вмонтированным» в каждого динамическим стереотипом, который в этом случае является жизненным благом.

Что делает конструктор или архитектор, работая над проектом механизма или здания, или экономист при подготовке новой финансовой услуги? Опирается на собственный багаж приобретённого продуктивного знания о том, **как** можно сделать **что-то** нужное. Каждое его действие — процесс, только процесс процессу рознь. Его процессы ради проекта. Если не он, то его конкуренты сделают то же самое, а возможно, и лучше. Именно в работе над проектами в конкурентной среде он ясно понимает, как много весит и его личная специализированная подготовка, и приобретённый фоновый уровень культуры! Без одного и другого одним погружением в проектное содержание самого проекта не осилить, как барону Мюнхаузену не вытянуть себя из трясины за границами сказки. Проекты (в нашем случае учебные) дают возможность **управлять** процессами обучения, но не способны обеспечить образованности учеников. **Образованность** школьников формируется такими процессами

ми, как чтение, вычисление, запоминание и т.д. — через механизм многократных повторений вплоть до достижения динамического стереотипа. Потом, с переходом на высшую степень обучения, то же самое повторяется на более сложном уровне. Остаётся параллельно сохранить условия для творческого отношения учеников к применению своего интеллекта, и лучше всего это достигается наличием в учреждении *портфеля организационно-образовательных проектов*, а после школы такой моделью социальных порядков, при которых «бал правит» не «блат», а здоровая конкуренция.

У нас появился замечательный проект государственного уровня, который называют внешним тестированием выпускников школ. Также распространяются разнообразные конкурсы и турниры, фестивали и школьные спартакиады как дополнение к традиционным предметным олимпиадам. Этот перечень представляет обычную практику внутренней жизни почти каждой школы, но кто нам мешает ввести свой *собственный школьный проект независимого тестирования своих учеников*? Потребность именно в таких проектах очень актуальна, ибо в проектах, направленных на воспитание, мы никогда не имели нужды.

Авторитарное советское обустройство оставило нам в наследство не столь повсеместное выполнение закона о всеобщем, сколько привычку к «липовым» оценкам тех, кто едва учился. С другой стороны, эта практика развязала руки руководителям университетов, и уровень требований на вступительных экзаменах стал непосильным даже для абитуриентов из числа призёров городских олимпиад. Делалось это, да и делается до сих пор, под лозунгом поиска талантливой молодёжи. Мы уж слишком легко соглашаемся с этим, словно и не замечаем всей ирреальности лозунга, ибо действительно творческих людей любая социальная ниша насчитывает не больше десяти процентов! Вместе с тем для всех остальных дверь высшего образования никогда не закрывалась, университеты не имеют иной альтернативы, как работать в массовых измерениях.

И вот в таких условиях вместо того, чтобы на практике показывать педагогам образцы проектных, лучше сказать, программных

подходов к организации процессов обучения, наше руководство высшего уровня до сих пор прячется за так называемые экспериментальные формы работы. Такая тактика порождает вопросы:

- Почему после апробации внешнего тестирования, охватившего 42 тысячи выпускников 2006 года, вместо стремления выйти на системное утверждение тестирования как составной **развития** системы образования от заместителей министра звучат высказывания, что и на следующий год целесообразнее всё оставить в рамках эксперимента?

- Почему прогрессивные намерения подать результаты тестирования на сайте Центра закончились всего лишь фразой: «*Результаты внешнего оценивания 2006 года можно получить по месту обучения за номером собственного приглашения: по украинскому языку — 19 июня; по истории — 21 июня; по математике — 23 июня*»? Это в то время, когда аналогичные результаты французы публикуют в Сети, даже не пряча фамилии выпускников. Такая прозрачность даёт возможность учителям видеть результаты своих воспитанников и соответственно изменять акценты в своей работе.

- Почему в комментариях к высказываниям академика Владимира Семиноженка об иллюзорности антикоррупционных ожиданий в образовании, благодаря внешнему тестированию, акцент ставится на самое *тестирование*, а не на уровень коррумпированности организаторов жизни общества, как у автора?

Не надо сомневаться, что прозвучит множество глубоко обоснованных ответов. Только будут ли среди них такие, какие звучат в среде миллионов учителей, родителей и учеников, например:

— *на первый вопрос*: «А это с тем, чтобы в случае неудач виновными оказались учителя, ученики и родители, а горе-организаторы остались вне поля зрения»;

— *на второй*: «Информацию, как и деньги, «правители» держат при себе, чтобы управлять «массами», как *они* того хотят, не взирая ни на права людей, ни на *цели* проекта, на который израсходованы общие государ-

твенные деньги». Тем более, как тогда объяснить, что дети чиновников с низкими баллами по тестированию становятся студентами университета им. Шевченко на бюджетной основе? А дальше — больше: придётся объяснять, почему у нас на дипломатов учат так называемых гуманитариев, а в Швеции на такие специальности отбирают исключительно тех, кто показывает лучшие результаты по математике? Сделать это наукообразно уже довольно сложно, ведь именно математика и языки показывают степень способности личности к обучению.

— *на третий*: «Потому, что для организаторов образования поиски эффективных организационно-образовательных проектов, способных стабильно обеспечивать качественную подготовку выпускников, не являются приоритетными».

Как бы не вышло, что для придания престижности своему образовательному «фасаду» мы ограничимся учительскими проектными уроками в классе, а общегосударственная система останется обычной и архаичной.

С чего бы такой пессимизм? А с того, что у нас до сих пор старшая школа только лишь задекларирована профильной, а островки успешного профильного образования старшеклассников руководство старается «встроить» в поле обычной общеобразовательной школы старого советского образца. **Как вообще старшая школа может быть общей, т.е. непрофильной? Как живёт страна без действительно разных не только по профилю, но и по уровню интеллектуальной нагрузки, школ?**

Тяжело живёт, не столь развитием, сколь постоянным разгребанием проблем, которые формируются, с одной стороны, теми, кто не стоит на месте, а с другой — теми, кто изо всех сил продолжает держаться за старое.

Два года назад почти две сотни выпускников нашего учреждения принимали участие во внешнем тестировании по математике и украинскому языку. Мы верили в успех своих воспитанников и не ошиблись: 88% из них написали математику на семь и выше баллов (этот показатель по Украине около 35%), а оценки от 10 до 12 баллов получили 37% (по Украине — 6,2%). Качество знаний

по украинскому языку составило 78%, хотя язык обучения в лицее — русский, несмотря на это средний балл нашего лицея по украинскому языку — 8,27, а по Украине — 6 баллов. Мощное количественное, а главное результативное участие нашего учреждения позволило нашей области занять первую строчку в таблице всеукраинских показателей тестирования по математике.

Это всё не из желания похвастаться, дело в ином. Наша уверенность покоилась на эффективности специальной программы (читай проект) организации *ответственной* работы учеников по базовым профильным предметам. Много лет мы работаем в специальном консультационно-учебном формате по субботам, когда отсутствуют уроки обычного расписания. Наша *субботняя учебная деятельность* не повторяет каноны традиционной классно-урочной системы с её характером обязательности. *Ответственность* можно поставить не только прямыми рычагами обязательности. Раньше такая система охватывала лишь математику, физику и информатику. В тот год, увидев, как много тестирование по украинскому может дать нашим выпускникам как абитуриентам, мы распространили метод «субботнего погружения в предмет» и по этой дисциплине. Но главное, что ещё с 1989 года, кроме практики «предметных погружений» в лицее утвердилась повседневная культура учебной работы, в основе которой *продуктивные методы коллективной самоорганизации*. В кратком изложении это означает, что главное внимание учителя уделяют формированию умений *применять* программный базовый материал и делают это, отказавшись от традиционного «один пишет на доске, а остальные переписывают». Результаты не заставили себя долго ждать, так как эффективность — она и в Африке эффективность. Кстати, в странах Африки внешние тестовые технологии, равно как и профильное обучение старшеклассников, обычная практика, которая давно успешно работает. Мне думается, что общегосударственные показатели качества были сформированы лучшими учениками школ, так как к участию в тестировании каждая школа не была вынужденной привлекать *всех* учеников. Тем более печально. Ещё печальнее на этом фоне видится отсутствие широкого интереса к продуктивным формам организации обучения старшеклассников.

Я понимаю родителей, которые не интересуются тонкостями того, как нам удаётся достигать высокого стабильного уровня подготовленности своих выпускников в массовых масштабах. Им достаточно знать об этом и направить своих детей к нам, чем они успешно и пользуются, переполняя наши классы до уровня 40–45 учеников. Такая наполняемость классов большинству педагогов города кажется невозможной. наших же учителей последнее не пугает, так как при продуктивных методах самоорганизации нет нужды «держат» класс, в условиях сотрудничества это лишнее. Кроме того, все знают, что такую огромную когорту учеников (250–280 выпускников одиннадцатых классов) невозможно собрать исключительно из тех, кого называют одарёнными. Из практики знаем, что явно одарённых в каждом классе бывает не больше 5–6 учеников. Тем не менее остальные (30–40) в условиях работы методами продуктивной самоорганизации успешно подтверждают, что по-настоящему не только были от природы потенциально одарёнными, но таковыми и есть в своей социальной самореализации, лишь бы последняя имела понятное практическое значение для дальнейшей их жизни в обществе. Также понятен определённый интерес профильных образовательных изданий. непонятным только остаётся отсутствие профессионального интереса у работников просвещения. Никто из них не задаётся вопросом: «Так-так, надо бы разобраться, как это им, периферийникам, удаётся?!»

В такой плоскости вопрос прозвучал лишь один раз от... архиепископа Ионафана во время его посещения нашего праздника «Первого звонка». Понятно, что представителям духовенства органически пристало заглядывать в глубинную сущность жизни, но чего же и нам-практикам лишать себя подобной возможности? Впрочем, жизнь не стоит на месте — есть сдвиги.

Радостно было впервые услышать из уст ответственного работника образования не общеизвестные фразы-клише по теме, а и стремление повлиять на внедрение таких простых и конкретных форм организации учебной деятельности, которые при-

водят к успеху детей. Обратим внимание, именно к *успеху детей*, а не обычно звучащее: «Этот учитель всегда приводит детей к успеху», когда учащиеся так и остаются исключительно в роли ведомых. На августовскую конференцию директора, заместители директоров собирались в нашем актовом зале и от заместителя начальника городского управления образования услышали: «*Надо ясно видеть, что для успеха совсем не требуется все 45 минут урока учить детей. Надо останавливаться и давать им возможность самим учиться, учиться вместе с учителем*». Затем добавила: «Я это поняла после нескольких лет работы на их субботних подготовительных курсах по подготовке к поступлению в лицей». Конечно, мы и на деятельность пролицейских курсов распространили присущую нам культуру труда.

Уважаемые коллеги, давайте будем брать собственную судьбу (*успешность наших учеников*) в собственные руки, т.е. отыщем такие программы (проекты) деятельности, которые способны на успех, да и нам по душе. Не будем разминаться на показные, локальные заигрывания в проекты, от которых ничего не меняется, не веет настоящей, кропотливой работой по развитию личности. В программное содержание каждого предмета, особенно математики и языков, заложен такой бездонный кладёз задач и упражнений творческого (читай проектного) характера, который стоит большего, чем тысячи искусственно придуманных игр «в проекты» на основе банальных (читай легкодоступных) вещей.

А ещё давайте не будем пассивно сидеть с надеждой на «царя-батюшку» и позволять втягивать себя в очередную показную, на этот раз — проектную, видимость современности и авангардизма, которые столь далеки от правды качественной продуктивной жизни. Для выпускников, учителей и родителей реальное качество жизни начинает зримо заявлять о себе через призму общенационального проекта по внешнему тестированию школьников, а там, смотри, вскоре и студентов. Вот тот *проект*, в который есть большой смысл с головой «нырнуть» всей своей учительской сущностью! □